

«ЗНАМЕНСКАЯ КОММУНА»

I. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Г. МАРКЕЛОВОЙ II. ПОЛИЦЕЙСКИЕ И АГЕНТУРНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Публикация М. Л. Семановой

Ниже публикуются материалы о «Знаменской коммуне» Слепцова — воспоминания участницы ее, Александры Григорьевны *Маркеловой* (А. Каррик) и записки о коммуне, составленные в недрах III Отделения для его начальника и шефа жандармов кн. В. А. Долгорукова (на основании агентурных сведений). Материалы эти вносят много нового в понимание одного из значительных фактов биографии писателя. Сведения о коммуне, оставленные современниками, были поневоле (по «цензурности» самого предмета) односторонними. Писали о ней или явные враги Слепцова (Н. С. Лесков, В. В. Крестовский), искажавшие суть дела в своих антиингилистических романах, или участники и посетители коммуны, эволюционировавшие в последующие годы, в пору написания своих мемуаров, «вправо» (Е. И. Жуковская-Ценина, Н. В. Успенский).

Как явление новое, коммуна вызвала много толков, сплетен, небылиц¹. Враждебные коммуне слухи активно поддерживались реакционной прессой и в 1860-е годы (см., например, публикуемую ниже агентурную заметку о «Домашней беседе») и позднее. Распространялась клевета о коммуне, как о «притоне разврата», а вместе с тем, «блюстителю нравственности» отмечали «вредное направление», которое выражается не только в «гражданских браках», разрушающих основу современной семьи, традиционной этики, но и в общественных принципах. Говорилось, что члены коммуны «отвергают основные правила общественного устройства», «проповедуют общность состояний, общественный труд и социальные идеи». Именно эти идеи, в которых видели влияние «бессвязных романов Чернышевского», и стремились всячески дискредитировать.

К. И. Чуковский, в статье «История Слепцовской коммуны», приходит к справедливому заключению, что коммуна — не легкомысленная, случайная прихоть Слепцова, а «серьезнейшее дело его жизни»².

И хотя наиболее проникательным участникам революционно-демократического движения шестидесятых годов эта попытка не могла не казаться наивной («ребяческим» делом назвал ее впоследствии Салтыков-Щедрин³), хотя для нас, отошедших от нее на столетие, тем более видна наивность организатора «Знаменской коммуны», — однако было бы нарушением исторической истины отрицать определенную положительную роль, сыгранную Слепцовской коммуной в идейной жизни и быту демократических кружков русской молодежи шестидесятых годов.

Нет сомнения, что было утопичным само стремление организовать в условиях самодержавно-буржуазной действительности коммунистические ячейки жизни. Но когда вспоминаешь, в какой исторический момент делалась эта попытка (1863—1864 гг. — время сильнейшего натиска реакции и репрессивной политики самодержавия), то удивляешься смелости, убежденности ученика Чернышевского, нетерпеливому желанию его «приблизить будущее», пропагандировать всеми возможными средствами идею всеобщего труда, коллективизма, раскрепощения женщины.

Недаром это «общество, основанное на коммунистических началах», так беспокоило органы политической полиции. За ним был установлен перекрестный надзор со стороны III Отделения и петербургского обер-полицеймейстера. Публикуемые записки III Отделения, заключения руководителей этого центрального органа политического контроля самодержавия, заключение полицейских властей («дело слишком важное») дают представление о том, что могло ожидать членов коммуны («сослать в дальнейшие губернии»), если б Слепцов не предупредил события и не ликвидировал бы ее по собственной инициативе. Эти документы опровергают, таким образом, версию, согласно которой коммуна распалась из-за ссор ее участников, или по соображениям экономического характера. «...коммуна уничтожилась вследствие того, — констатируют полицейские агенты, — что члены ее узнали, что за ними наблюдают <...> сам Слепцов выехал из Петербурга в Москву еще 1 июля».

В донесениях секретного агента III Отделения М. Степановой (10 апреля 1864 г.), наблюдавшей за членами коммуны Слепцова и близкими к ней людьми, сообщалось, что ученики Чернышевского называют его апостолом и что таких учеников «образовался целый полк», высказывалось сожаление, что она, Степанова, теряет доверие своего начальства. По всей вероятности, оно обвиняло своего агента в неумном поведении, так как заметно стало, что находящиеся под надзором полиции лица догадываются о шпионской роли Степановой. Оправдываясь, Степанова пишет: «Виновата наша полиция, которая мое участие <...> сделала слишком гласным». «Мне странно то, почему вам кажется, или таковое у вас убеждение, что если общество чиновников знает, что я даже могу быть шпионом, то и свободные люди (либералы) тоже потеряют ко мне доверие» ⁴.

И полицейские агенты, и недоброжелатели Слепцова очень охотно распространяли слухи о том, что коммуна распалась из-за несостоятельности идей, из-за плохой организации и т. д. Знаменательно, что и другие общественные начинания Слепцова его политические противники стремились представить как бесплодные попытки, беспокойную непоседливость и практическое неумение. Лекции для женщин, коммуна, любительские театральные кружки — «на все это ухлопывается громадное количество времени, сил, энергии; все это валится и рушится, исчезая бесследно», — писал впоследствии В. В. Каллаш ⁵.

До сих пор у нас нет точных сведений о составе «Знаменской коммуны». Принято называть семь человек: Слепцова, переводчицу М. Н. Коптеву (будущую жену Артура Бенини) ⁶, переводчицу Е. И. Ценину (будущую жену Ю. Г. Жуковского), В. Н. Языкова, шурина Слепцова, «нигилиста», находившегося под надзором полиции ⁷, секретаря «Современника» А. Ф. Головачева ⁸ и «нигилистов» А. Г. Маркелову (Каррик) и Е. А. Макулову. Сверх того называют обычно и бывавших в коммуне писателей: А. И. Левитова и Н. В. Успенского.

Агентурные донесения добавляют к этим лицам, посещавшим коммуны Слепцова, еще несколько человек, находившихся под негласным надзором по поводу «заявления ими учения своего о нигилизме»: Г. В. Лермантова ⁹ и Н. А. Серова ¹⁰, бывшего члена кружка Зайчневского — Аргиропуло Н. С. Славутинского ¹¹, актера и писателя И. Ф. Горбунова, сотрудника «Искры» Д. Д. Минаева, сотрудника «Современника» В. Бессонова, актрису М. Челищеву ¹², воспитанников Училища правоведения Д. О. Наркевича и А. А. Маковеева ¹³.

Отметим здесь же, что дружеские отношения ко многим членам коммуны и посещавшим ее сохранились у Слепцова до конца дней. Таково его отношение к Маркеловой, которой он посвятил свою «Питомку», к В. Н. Языкову, у которого писатель останавливался, приехав в конце 1875 г. в Петербург, к И. Ф. Горбунову, артистический талант которого он очень ценил ¹⁴, к А. И. Левитову и другим. «В. А. Слепцов потрясен смертью Левитова, — пишет Н. А. Соловьев-Несмелов И. З. Сурикову 16 января 1877 г. — Совсем потерял сон, — он когда-то был близок и дружен с Левитовым. Когда я с ним поговорил о Левитове, <...> то он сказал, нужно бы о нем написать» ¹⁵. Это желание Слепцова, как нам удалось установить, было реализовано ¹⁶.

К. И. Чуковский справедливо замечает, что Слепцов смотрел на организацию коммуны, как на *начало* дела. Быть может, не всем участникам до конца были ясны

ДОМ БЕКМАНА НА ЗНАМЕН-
СКОЙ УЛИЦЕ В ПЕТЕРБУРГЕ
(ТЕПЕРЬ УЛИЦА ВОССТАНИЯ
№ 7). ЗДЕСЬ В 1863—1864 гг.
ПОМЕЩАЛАСЬ «КОММУНА»
СЛЕПЦОВА

Фотография 1961 г.

Музей истории Ленинграда



«максимальные» планы организатора, им казалось, как об этом свидетельствует в публикуемых воспоминаниях Маркелова, что цель коммуны была чисто экономическая. Эту версию официально поддерживал и Слепцов. В протоколе допроса в III Отделении он заявил: «Цель этой общей квартиры была чисто экономическая». Впрочем, и Маркелова улавливает другое: коммуна должна была «показать пример, как надо соединять свои средства небогатым людям, чтобы жить <...> не давая себя эксплуатировать». Она сочувственно рисует попытку группы молодых людей жить «по-новому» и работать сообща. Мать писателя вспоминала о нем: «Хотя он часто уезжал то на дачу, то в деревню, но расстаться с Петербургом он не мог, его тянуло то общество и те интересы, с которыми он сроднился и ими жил; затеял он было коммуны на Знаменской улице в Петербурге, думая удешевить жизнь многих при общей квартире и общем труде, устраивал в коммуне литературные вечера и беседы, но общий труд не привился, он был еще не современен, да и полиция небывалую диковину стала преследовать, так дело тем и кончилось»¹⁷.

Подобно героям «Что делать?», Слепцов, по-видимому, хотел самой жизненной практикой убедить в преимуществе общежития, основанного на принципе коллективизма. Впоследствии весьма неодобрительно относящаяся к Слепцову Е. И. Жуковская (Ценнина) догадывалась, что он «решил начать с простого городского общежития и потом постепенно превращать его в настоящий фаланстер»¹⁸.

Враги Слепцова, стремившиеся всякими способами скомпрометировать коммуны, то распространяли слухи о «донжуанстве» писателя, об аристократических привычках его, о расприх внутри коммуны, то утверждали, подобно Лескову, не решившемуся повторить сплетни о безнравственности «коммунаров»¹⁹, что в коммуне непроходимая скука («скука страшная», «скука нестерпимая», — гипнотизирует Лесков читателя), в ней будто бы вовсе нет трудовой атмосферы, отсутствуют общие интересы. Надо полагать, что не из барской привычки к роскоши хорошо обставлял Слепцов

общую квартиру²⁰. Не в условиях же петербургских трущоб и мансард, в самом деле, следовало доказывать преимущество нового быта. Кроме того, должно было ответить и тем, кто не признавал у «Базаровых» эстетического чутья, чувства изящного.

Публикуемые документы опровергают и утверждения о «скуке» в коммуне. Вечера, на которых присутствовали писатели, артисты, организация лекций, которые читались у знакомых, — все это вызывало тревогу полицейских властей, так как противостояло узаконенным нормам жизни, и было поэтому, по словам участницы коммуны Маркеловой, «также осмеяно и оклеветано»²¹.

Документы III Отделения подтверждают высказанное исследователями шестидесятых годов соображение о распространенности коммун, создававшихся под влиянием романа Чернышевского «Что делать?». Полицейскую власть более всего пугала как раз эта связь коммун, кружков, их популярность. Общество, группирующееся вокруг Сусловой, имеет связь, по подозрению полиции, с коммуной Слепцова; коммуны на Измайловском посещает последователь Чернышевского — Гогоберидзе²². Агенты нападают то и дело на следы новых коммун, или кружков, где тайно читаются лекции, или на сочувствующих коммунам. Под подозрением находятся девушки-переводчицы, работники книжных магазинов, переплетной мастерской Печаткина²³.

Через несколько лет, в 1868 г., наблюдая за семьей доктора П. И. Бокова, близкого знакомого Чернышевского, агенты доносят, что «идея нигилизма, как видно, не совсем еще уничтожилась» и учение «Слепцова, Головачева и К^о» «не осталось без последователей, хотя уже более умеренных». У Боковых собираются единомышленники и подвергают критике правительственные лица и учреждения, «развивают ту идею, что труд должен быть одинаково разделен между мужчиною и женщиною, а потому самые условия жизни обоих должны быть одинаковы и затем все должно быть общее»²⁴. Судя по письмам к Л. Ф. Нелидовой, с семьей Боковых организатор «Знаменской коммуны» был дружен и в 1870-е годы.

Самый факт возникновения новых коммун после вынужденного роспуска коммуны Слепцова лучше всего свидетельствует о хорошей молве о ней в демократических кругах, среди тех, кто не имел возможности выступить в ее защиту в печати, в то время когда из другого лагеря беспрестанно выливали на нее ушатy грязной и вздорной клеветы.

Участнице Слепцовой коммуны — Маркеловой — удалось лишь через тридцать с лишним лет, не в специальной статье, а как бы мимоходом, в воспоминаниях о лице, не имеющем отношения к коммуне, о писательнице Н. Д. Хвощинской (псевдоним В. Крестовский), сказать свое горячее «слово правды в защиту оклеветанного дела и оклеветанных людей». Маркелова, талантливая переводчица, писательница, находившаяся под негласным надзором полиции, ввиду «заявления ею своего учения о нигилизме»²⁵, и через три десятилетия вспоминает о своих юношеских увлечениях с большой теплотой.

Она создает обаятельные образы организатора коммуны Слепцова, участницы ее — Макуловой. Люди принципиальные, прямые, искренние, чистые — такими вырисовываются перед нами и они и сам автор воспоминаний — Маркелова, о которой даже недоброжелательная по отношению к коммуне мемуаристка Жуковская принуждена была сказать: «Маркелова стойко и мужественно держалась «за проведение коммунистических начал в жизнь»²⁶. Созданные Маркеловой образы разрушают представление, которое всячески стремились вызвать враги Слепцова, изображая его самодовольным, фальшивым человеком (Белоярцев в лесковском «Некуда»), а его убежденную последовательницу — Макулову — слепой подражательницей (Бертольди в том же произведении)²⁷. В романе «Некуда» «некрасиво описан умный и талантливый писатель В. А. Слепцов», — сделал заключение М. Горький, изучив внимательно жизнь и творчество этого «осторожного и скромного скептика»²⁸.

Слепцову пришлось убедиться в том, что его попытка создать в условиях полицейского надзора общежитие-коммуны была утопичной, нежизненной. Но он остался до конца дней верен тем демократическим и социалистическим идеалам, которые в молодости вдохновили его на создание «Знаменской коммуны».

1. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. Г. МАРКЕЛОВОЙ

Летом 1861 г. я уехала за границу, и переписка моя с Хвощинскими прервалась. До 1863 г. мы не видались и не переписывались, хотя между нами не произошло никаких столкновений. Просто меня подхватила новая волна и на время отнесла далеко от них. Мы снова свиделись зимой 1864 г., когда я жила на Знаменской в общежитии, почему-то прославшем под именем «Знаменской коммуны».

Коммуна эта составила на чисто экономических началах. Мы, человек пять мужчин и женщин, живших большею частью литературным трудом, сговорились нанять сообща квартиру на имя одного из нас, чтобы не нанимать комнат у хозяек, а жить своим домом, иметь общий стол и общую прислугу. Дело было совсем простое и естественное, но повредила ему наша общая непрактичность. Нанимая квартиру, мы соображались со средствами не нас пятерых, а также и будущих жильцов, поэтому наняли квартиру с запасом нескольких комнат. При этом мы задались правилом принимать только таких жильцов, которые, во-первых, будут понимать, что в этой квартире нет хозяев и жильцов, а все — равноправные члены общежития; во-вторых, будут более или менее разделять наши взгляды по общественным вопросам и, в-третьих, будут располагать средствами не меньше наших, которые, хотя были и очень скромны, но все же позволили бы нам, если бы подобрался комплект жильцов на эту квартиру, покрывать наши нужды при данном образе жизни.

У каждого из нас была отдельная комната, а затем общая зала, она же и столовая, где стоял принадлежавший одному из нас рояль. Каждый, разумеется, мог принимать в своей комнате кого хотел, но в общую залу, по немому, так сказать, соглашению, приглашались только люди, бывшие на хорошем счету у всех общинников, <или>, по крайней мере, такие, к которым другие относились безразлично.

В ту пору литературный мир, да и вообще вся интеллигенция, резко распадался на партии и между некоторыми из этих партий не могло быть примирения. Я не сомневаюсь, что эта исключительность и породила те грязные и вздорные клеветы, которые ушатами выливались на наше несчастное общежитие и даже дали темы для бульварных романов. В них «Знаменская коммуна» рисовалась то каким-то дворцом, то какой-то трущобой, в которой «жильцы запираются друг от друга, чтобы украдкой съесть селедку».

По всем вероятностям, наше общежитие прошло бы совершенно незаметным, если б в числе нашей братии не находился В. А. Слепцов, в то время очень популярный писатель и талантливый рассказчик, вообще очень обаятельная личность. Его знакомством дорожили, но он был брезглив и разошелся со многими из своих бывших приятелей за их нечистоплотность в литературном отношении или за измену той партии, к которой он принадлежал.

Само собою разумеется, что такие люди не приглашались в общую залу, если случалось, что они приходили к кому-нибудь из жильцов. Это многих озлобляло тем более, что мы назначили у себя *фиксы*, на которые собиралось довольно много гостей. Многих, конечно, привлекало любопытство, так как о нашем общежитии уже заговорили, приплетая были и небылицы. Каждому хотелось узнать, что за птица в самом деле эта «Знаменская коммуна»; иные являлись с предубеждением, но находили очень приличное общество, радушных хозяев, всегда живую беседу, душой которой был Слепцов, угощение чаем со скромной закуской, иногда и музыку.

Началось дело, как я уже сказала, с пятерых жильцов, которые все были люди хорошие, более или менее идеалисты и крайне непрактичные.

Подходящих жильцов на пустующие комнаты не находилось; людей с совершенно неопределенными средствами нельзя было рискнуть принять при сравнительно дорогой квартире; кого ни попало мы также не хотели принимать, хотя охотники вызывались; а более достаточные знакомые предпочитали жить особняком. Когда же подошла весна и каждого из нас потянуло, кого на дачу, кого в деревню — мы решили, что удерживать за собою такую квартиру немыслимо, и наше общежитие распалось.

Вот в коротких словах история так называемой «Знаменской коммуны». Задумана она была на экономической подкладке с целью показать пример, как надо соединять свои средства небогатым людям, чтобы жить гигиеничнее, выгоднее и не давая себя эксплуатировать; и будь у нас более практической, да имейся в нашей среде хорошая хозяйка, дело, может быть, и устояло бы и развилось. Правда, хорошая хозяйка, пожалуй, взяла бы всех нас в руки и придала бы нашему общежитию нежелательный характер, а мы все-таки желали жить «по-новому» и затевали даже обходиться без прислуги, держать только кухарку и прачку; все же остальные дела: чистку комнат, самовары, лампы — отправлять собственными руками. Попытка эта, однако, не удалась и после взаимных препирательств и попреков, разумеется, шутливых, прекратилась по немому соглашению. Прислуга наша, которой на время опыта было строго внушено знать только свое дело — стирку и стряпню, — начала мало-помалу вступать во все права, не встречая с нашей стороны прежних энергичных протестов.

Одно могу сказать: почти ни в ком из нас (впоследствии к нам прибавилось еще двое) этот опыт не оставил разочарования в людях. Все оказались людьми вполне порядочными, и не только никто у нас не запирался, чтобы съесть селедку, но почти все, за немногим исключением, отдавали, не считаясь, всё, что зарабатывали, для поддержания нашего хозяйства.

Да не посетует на меня читатель за это отступление. Не могу упустить случай сказать слово правды в защиту оклеветанного дела и оклеветанных людей.

Извращенные рассказы о «коммуне» не могли не дойти до Хвоцинских, которые вращались в ту пору в кружке «Отечественных записок» Краевского, не имевшем ничего общего с кружком «Современника», к которому принадлежали мужчины в нашем общежитии. Приехав в Петербург в эту зиму, сестры остановились в Знаменской гостинице и, разумеется, отыскали меня <...> Я описала свой образ жизни, новые условия ее; Н. Д. <Хвоцинская> слушала молча <...> Я хотела вести их в общую залу, но они предпочли остаться в моей комнате. Слепцов и кое-кто из других сожителей, узнав, что у меня Хвоцинские, пришли ко мне. Я познакомила их и, благодаря Слепцову, не замедлил завязаться живой разговор, который перешел в спор. К нашей компании присоединилась еще одна из наших сожительниц, покойная княжна Макулова. Это была умная девушка и неукротимая спорщица, увлекавшаяся в спорах до того, что начинала стучать кулаками по столу и говорить резкости.

Впоследствии Надежда Дмитриевна очень полюбила ее, как натуру прямую, честную и верную своим идеалам. Из сестер наиболее живое участие принимала в спорах Софья Дмитриевна, восставшая против «утопических идей» и утверждавшая, что при первом дуновении противного ветра адепты их — «чик-чик да и в кусты». Предсказания ее, конечно, оправдались в значительной мере, однако, с тех пор уже сменилось несколько поколений, пережиты полосы темной, давящей реакции, а «утопические» идеи не заглохли <...>

В нашем же общежитии была задумана и сделана первая попытка чтения научных лекций женщинам. Лекции были частные и читались не в

нашем общежитии, а в знакомых нам домах поочередно. Лекторами вы-
звались быть Слепцов, Головачев (секретарь и сотрудник «Современника»),
профессора Сеченов²⁹, Хлебников³⁰, один артиллерийский полковник³¹ и
другие — не помню имен. Мысль об этих лекциях зародилась и созрела
в нашем общежитии. Организаторами дела были мужчины, но женской
половине жильцов не раз приходилось настаивать, поддерживать в них
энергию, ослабевавшую в борьбе с различными препятствиями. И эта



СЛЕПЦОВ

Фотография 1860-е гг.

Литературный музей, Москва

попытка также была осмеяна и оклеветана; человек вообще склонен су-
дить о других по себе, поэтому люди с грязными инстинктами заподоз-
рили такие же инстинкты и у организаторов лекций. Насмешки вызывал,
главным образом, тот факт, что в числе лекторов находились дилетанты в
науке. Но подобрать полный комплект профессоров еще не представлялось
возможности, и дилетанты во всяком случае знали более своих слушатель-
ниц и добросовестно готовились к каждой лекции.

Как бы то ни было, а и эта попытка продолжалась, по независимым от
организаторов обстоятельствам, всего одну зиму. Никто, однако, не мог
бы сказать теперь, что это неудавшееся начинание повредило делу
женского образования; вернее, оно пробудило охоту к нему, дало толчок

общественной мысли в этом направлении, и плоды этого толчка не заставили себя ждать.

Но вернемся к Хвоцинским. Я не ожидала, что Слепцов произведет на них благоприятное впечатление, и не ошиблась. В нем не было той непосредственности, горячности и простоты, которые были так симпатичны Хвоцинским; он как будто стыдился поддаваться порыву чувства, будь то хотя бы жалость, негодование на несправедливость, порыв самоотвержения. Он «освистывал», как тогда говорилось в честь «Свистка», <...> такие порывы как в себе, так и в других. Хвоцинские нашли, что в нем все искусственно, что он рисуется. Такое впечатление он производил на многих при первом знакомстве, а между тем едва ли он когда рисовался; в нем не было притворства, не было ничего напускного, а некоторая натянутость и как будто рассчитанность манер происходили у него всего скорее от застенчивости. Многим из знавших его может показаться странным такое объяснение: Слепцов — баловень женщин, душа каждого кружка, в котором он появлялся — застенчив! Но это правда; он сам сознавался в этом. Ему очень не доставало самоуверенности. Взявшись читать женщинам лекции по физиологии, он, по его собственным словам, всякий раз, приступая к чтению, от души желал, провалиться сквозь землю...

Печатается по тексту: «Из воспоминаний о Н. Д. Хвоцинской-Зайончковской». — «Женское дело», 1899, № 12, стр. 59—64.

II. ПОЛИЦЕЙСКИЕ И АГЕНТУРНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

1

ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА КОММУНИСТОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Уже неоднократно поступали сведения о существовании в С.-Петербурге общества, основанного на коммунистических началах, члены которого собираются в разных домах для распространения учения о коммунизме. Одно подобное собрание бывает на Выборгской, где участвуют девицы, посещающие Медицинскую академию; другое обнаруживается в квартире сотрудника «Современника» *Слепцова*.

В прилагаемой записке * покуда изложены собранные о сем последнем лице сведения, но сделано распоряжение насчет ближайшего удостоверения в цели замечаемых собраний, о которых известно также с.-петербургскому обер-полицеймейстеру.

Упоминаемый в приложении *Лермантов*, замеченный вчера вечером по выходе из квартиры *Слепцова*, должен быть экспедитор Государственной канцелярии. Это предположение основано на том, что Лермантов один из приверженцев *Чернышевского* и что он, встретясь недавно с одним лицом, преданным правительству, и заговорив о *Чернышевском*, высказывал мнение, что сей последний осужден неосновательно, так как приписываемое ему письмо явно подделано Всеволодом *Костомаровым*.

Впрочем, как о помянутом обществе и его членах, так и о Лермантове собираются ближайшие справки.

15 января 1864 г.

ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 243, лл. 1—2 об.

* «Записку» эту («приложение») разыскать не удалось. — *Ред.*

ЗАПISKA-III ОТДЕЛЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОММУНЫ,
УСТРОЕННОЙ СЛЕПЦОВЫМ

С целью узнать что-либо подробнее об обществе, собирающемся по вторникам у известного *Слепцова*, агент наш с величайшею осторожностью и при хитро придуманной обстановке беседовал всю минувшую ночь до 7 часов утра с литератором *Минаевым* (сотрудник «Современника»), который также бывал на вечерах *Слепцова* и который объявил, что таковые уже теперь прекратились, ибо сделались известными (это, действительно, подтверждается, ибо вчера не только не было у *Слепцова* никакого собрания, но сам ходил вечером со двора).

В разговоре *Минаев* высказал, что, кроме общества коммуны, собирающегося или лучше составляющего круг *Слепцова*, есть еще другое подобное же небольшое общество, в котором и *Минаев* участвует и которое признает права гражданского брака, не придавая никакого значения законным связям.

На этом основании *Минаев*, с полным, как видно было, убеждением, оправдывал *Слепцова* в том, что он не живет с законною женою, выразившись: «Я считаю безнравственным жить с женою, которую не любишь». Сам *Минаев* тоже женат, имеет детей, но придерживается создаваемых обществом коммуны прав гражданского брака, т. е. имеет связь, как сам объявил, с другою женщиною. Вообще из слов *Минаева* видно было, что упомянутое выше общество старается распространять и внушать другим свои убеждения и начала.

Сверх того как через *Минаева*, так и другими путями узнано, что *Слепцов* женат на Елизавете Николаевне Языковой, брат которой, Владимир Николаевич, служащий в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел, живет у *Слепцова*. Между тем он оставил жену и вступил в «гражданский брак» с живущею у него же женою губернского секретаря Екатериною Ивановною Цениною.

Жена *Слепцова* жила здесь отдельно от мужа на Васильевском острове, по Большому проспекту, в доме № 22, вместе с годовым своим ребенком, но муж бывал у нее один раз в неделю; 1 же декабря 1863 года, не простившись с ним, она уехала в Москву, где и проживает в Старой Конюшенной, на углу Сивцева Вражка, в доме Молчанова, у матери своей Языковой.

Подобно *Слепцову*, на одной с ним квартире живут гражданским браком: тверской помещик Аполлон Филиппович *Головачев* (секретарь редакции «Современник») с девицею Александрой Григорьевной *Маркеловой*, у которой есть малолетний сын, и вышеупомянутый Владимир Николаевич *Языков* (брат законной жены *Слепцова*) с княжною Екатериною Александровною Макуловой.

Упомянутый в прилагаемой выписке из письма к Щебальскому в Москву *Головачев* — есть тот самый, о котором сказано выше, что он живет у *Слепцова* и состоит при редакции «Современника» секретарем, а коммуна, о которой говорится в той выписке, должно быть, или общество *Слепцова*, или же другое, о котором вчера упоминал *Минаев*.

Еще прежде было указание, что это второе общество собирается на квартире отставного штабс-капитана Бессонова, сотрудника «Современника», живущего вместе с женою отставного коллежского советника Мариею *Зайцовой*³², ее дочерью³³ и сыном, бывшим студентом Московского университета, ныне студентом Медицинской академии, помещающим также статьи в «Современнике»³⁴.

Прилагаются все старания, чтобы узнать, кто писал письмо к Щебальскому, подписавшись «Ася»*, но надо думать, что это одна из вышепоименованных женщин.

Что же касается до предположения *Головачева* (как видно из письма к Щебальскому) вместе с другим, пока еще не известным лицом, открыть типографию, где, между прочим, должен печататься «Современник», то об этом узнано из верного источника, что *Некрасов*, открывая в конце прошлого года, по Литейной улице, свой книжный магазин, на имя купца *Звоначева*, высказал, что он желает открыть для печатания «Современника» и свою типографию. По всей вероятности, *Головачев* как секретарь редакции намерен теперь эту мысль Некрасова привести в исполнение; но едва ли это может состояться в нынешнем году, так как на печатание «Современника» заключен годовой контракт с типографией вдовы Вульф.

12 февраля 1864 г.

ЦГАОР, ф. 109, 1864 г., 1 эксп., д. 92**, ч. 2, лл. 1—2 об.

3

ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ О ПЕРЕНЕСЕНИИ СОБРАНИЙ ОБЩЕСТВА КОММУНИСТОВ НА КВАРТИРУ БЕССОНОВА

В танцклассе у Ефремова, во вторник, агент наш вновь сошелся с литератором *Минаевым* и угощал его вином.

Когда *Минаев* восторженно разговаривал о какой-то женщине, с которою вступил в связь, то агент наш, желая выведать от него, кто эта женщина, сказал: «Я знаю, что эта женщина — *Зайцева*». При этих словах *Минаев* вскочил со стула и воскликнул: «Да скажите же, кто вы такой, чёрт или человек, что вы всё знаете!».

Затем, когда *Минаев* успокоился, агент наш в видах разузнания к кому перешли вечерние собрания, бывшие до того по вторникам у *Слепцова*, сказал шутя и как бы невзначай, что собрания эти бывают ныне у *Бессонова*, то *Минаев* опять не выдержал, встал и хотел было уйти, объявив: «Нет, я после этого не могу говорить с вами», но агент ловко удержал его и до конца вечера продолжал с ним беседу о совершенно посторонних предметах.

За квартиру *Бессонова* будет учреждено наблюдение.

20 февраля 1864 г.

Пометы на полях: <1> О Бессонове пе<реда>ть. 20 февраля.

<2> Князю Вас. Андр. <Долгорукову> не угодно, чтобы Бессонов был прикомандирован к жандарм<скому> корпусу. 21 февраля.

<3> Объявить полковнику Басманову***. 4 марта.

ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 243, л. 3—3 об.

* Письма к Щебальскому, подписанного «Ася», обнаружить не удалось. — *Ред.*

** Дело «О тайных обществах. Об образовавшемся в С.-Петербурге между молодыми людьми обоего пола безнравственного и вредного направления кружке». — *Ред.*

*** В деле «О тайных обществах» (л. 19) находится записка полковника Басманова: «Отставной штабс-капитан Драгунского военного ордена полка *Бессонов*, определенный на службу высочайшим приказом 25 февраля сего года прежним поручичьим чином в Беломорский пехотный полк, выехал к месту его служения в г. Новгород 11 сего марта месяца.

Поручик *Бессонов* нанимал от *Зайцевых*, проживавших по Екатерининскому каналу в доме Добровольского, комнату, со столом и прислугой — по 30 руб. в месяц, только с сентября месяца минувшего года по 24 января сего года, с 24 января по 24 февраля он жил в Итальянской улице, в доме Лаврова, рядом со мной, а с 24 февраля по 11 марта, т. е. по день выезда из С.-Петербурга — у меня в квартире.

ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ ОБ ИЗОБРАЖЕНИИ КОММУНЫ СЛЕПЦОВА В СТАТЬЕ «БЛЕСТКИ И ИЗГАРЬ»

В 45 выпуске (9 ноября 1863 г.) «Домашней беседы» напечатана статья под заглавием «Блестки и изгарь».

Статья эта имеет предметом описание бракосочетания, совершенного в одной из петербургских православных церквей; при этом поведение в церкви как сочетавшихся, так и присутствовавших носило на себе характер явного безбожия, возможного только среди членов коммунистического общества, собиравшегося, как дошли о том сведения, у известного Слепцова.

При внимательном чтении статьи делается понятным, что содержание ее почерпнуто из действительной жизни, и убеждает в несомненном существовании общества коммуны. Статья далеко не вымысел — трудно предположить, чтобы фантазия обратилась к изложенному в статье предмету; к тому же редактор «Домашней беседы» *Аскоченский* не такой человек, который напечатал бы подобную статью без уверенности в ее правдоподобии.

Встречающиеся в статье выражения: *«девица с подстриженными в кружок волосами», «чего не выдумает сумасбродная эмансипация, чуждающаяся всех законов приличия», «отрастил себе волосы по самые плечи, попал в какую-то шайку учителей воскресных, связался с какими-то стриженными девками, женился на одной из них, сделав ее заблаговременно матерью», «когда не станет ни попов, ни этих глухих браков»* — все эти выражения убеждают, что автор статьи хотел выставить членов общества «коммуны» и их нравственные правила; портрет неизбежно писан им с натуры.

Следующий период в статье ярко рисует взгляд коммунистов на брак — взгляд этот точь в точь был высказан однажды литератором *Минаевым*. Вот этот период:

«Обязательный брак есть дело противное законам природы, а понаравилась девушка или хоть чужая жена, слюбилась — ну и живи до поры до времени на правах законного супружества, а далее случилась какая-либо размолвка — что ж, поклонились друг другу и разошлись».

Не доставил ли *Аскоченскому* эту статью дядя Славутинского, посещавшего вечерние собрания у известного *Слепцова*; дядя этот живет на Петербургской стороне *, был сперва в хороших отношениях с своим племянником, но поссорился с ним после женитьбы его (3 ноября 1863 г.) и неплатежа *Славутинским* 45 рублей. Легко может быть, что дядя Славутинского посвящен в дела общества «коммуны».

27 февраля 1864 г.

Помета на полях: Узнать повернее о том, что последует. 27 февраля.

⟨Приложен оттиск статьи «Блестки и изгарь» из журнала «Домашняя беседа», 1863, вып. 45, от 9 ноября.⟩

ЦГАОР, ф. 109, 1864 г., 1 эксп., д. 92, ч. 2, лл. 3—12 об.

ДОНЕСЕНИЕ О КОММУНЕ СЛЕПЦОВА ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЕР-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА И. В. АННЕНКОВА ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ ПЕТЕРБУРГА кн. А. А. СУВОРОВУ

Обязанностию считаю донести вашей светлости, что в Петербурге образовался в недавнее время кружок молодежи очень безнравственного и вместе с тем очень вредного направления, в котором хотя и не видно

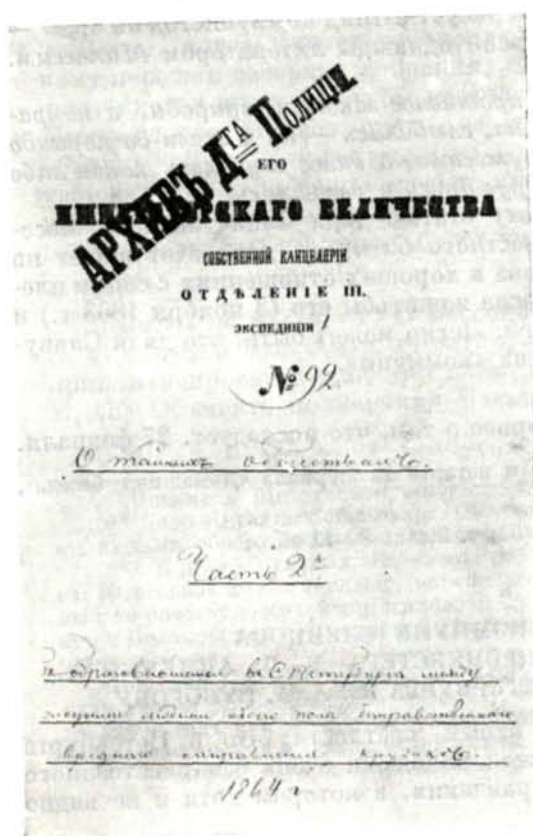
* Статья доставлена подписчиком с Петербургской стороны.

теперь ничего политического, но нельзя быть уверено, что со временем оно не приняло другого характера.

В настоящее время мужчины и женщины, составляющие этот кружок, обращают на себя общее внимание тем, что вздорные и нелепые идеи свои стараются применить в практике к ежедневным занятиям своим и к образу жизни.

Безнравственная сторона их учения состоит в том, что они, не признавая церковного брака, заменяют его, как объясняют сами, браком гражданским, то есть допускают чувственные удовольствия без всякого ограничения и делают всех женщин и девиц их кружка общей принадлежностью всех членов их общества. Вредная сторона их учения состоит в том, что они отвергают основные правила общественного устройства, не признают всей важности родственных отношений, взаимных обязанностей между родителями и детьми и проповедают общность состояний, общественный труд и социальные идеи, которыми в последнее время так сильно наполнены были наши журналы, преимущественно «Русское слово» и «Современник» и бессвязные романы Чернышевского.

Последователи этого учения были известны полиции еще в прошлом году, но в то время они не составляли правильно устроенного общества, и кружок их ограничивался несколькими только личностями, жившими в разных местах города, так что нелепые основания их учения и беспутная жизнь, которую они вели, не имели никакого значения. Известно было, что кружок этот группировался около бывшего преподавателя Казанского университета Афанасия Шапова, который пользуется и до сих пор от болезни в клинике 2-го Военно-сухопутного госпиталя, что его навещали там преимущественно студенты Медико-хирургической академии, вольно-



ОБЛОЖКА ДЕЛА III ОТДЕЛЕНИЯ
«О ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВАХ», 1864 г
(ч. 2-я)

В деле находится донесение
о коммуне Слепцова
Архив Октябрьской революции,
Москва

У них есть сын. Слепцов нанял для себя и для своего кружка квартиру в Знаменской улице в доме Бекмана. Выбор этого дома заслуживает внимания в том отношении, что домовладелец есть родной брат того Бекмана³⁷, который в 1861 году за беспорядки, бывшие в Харьковском университете, выслан был на жительство в Вологду. Образ мыслей домовладельца Бекмана не многим отличается от образа мыслей его брата. Для прикрытия своего сочувствия к тому обществу, которому он дал приют в своем доме, Бекман заявлял вначале свое опасение на вредное направление своих жильцов, но впоследствии объявил, что, ознакомившись с ними ближе, он не находит в направлении их ничего особенно вредного.

В квартире, нанятой Слепцовым, проживают с ним: 1, брат его жены коллежский секретарь Владимир *Языков*; 2, Тверской губернии помещик Аполлон *Головачев* 2-й, имеющий намерение открыть типографию с тем, чтобы печатать в ней «Современник»; 3, дочь коллежского регистратора княжна Екатерина Александровна Макулова; 4, жена губернского секретаря Глафира *Цапина*³⁸ и 5, дочь коллежского советника девица Александра *Маркелова* с незаконнорожденным ее сыном одного с половиною года. С ними вместе проживала дочь действительного статского советника девица Мария Николаевна *Коптева*, но она переехала 10 прошлого декабря на другую квартиру в Моховой улице дом № 28. К их обществу принадлежат еще следующие лица, не проживающие, однако же, с ними на квартире: 6, *Минаев*; 7, *Лермантов*; 8, *Горбунов* и 9, *Серов*. Весь этот кружок переехал в дом Бекмана в октябре месяце прошлого года, проживая перед тем на Васильевском острове по Большому проспекту между 8 и 7 линиями, № 24. Новая квартира, за которую Слепцов платит 1200 р. в год, состоит из 11-ти комнат, устроенных таким образом, что каждый член этого кружка имеет особую комнату и, кроме того, есть общая столовая, две парадные комнаты для приема гостей и их кружка и кухня, где приготовление кушанья они начали было производить сами, но, увидев несообразность этого намерения, наняли кухарку. За исключением стряпанья кушанья они отстранили от себя всякую прислугу и все хозяйственные домашние работы производят сами.

Впрочем, и это дело тяготит их, так что общественный труд они ограничивают добыванием средств к жизни по мере способности каждого. С этой же самой целью они установили у себя собрания по вторникам, с платою за вход в особую кассу общества. В собраниях этих, где были между прочим и литературные чтения, бывало человек до 20-ти и более, весьма прилично одетых, но собрания эти имели характер прикрытия благовидною обстановкой образа жизни членов этого общества. Последнее собрание было у них 28 января, на которое явились новые личности: актриса Челищева и два воспитанника одного из здешних училищ (фамилии их еще неизвестны). После того собрания у них не было и сколько известно общество это предполагает выбрать местом своих сборищ квартиру отставного штабс-капитана *Бессонова*, который живет вместе с вдовою *Зайцевой*, при которой есть сын и дочь (по Екатерининскому каналу, д. Добровольского — № 131, квартира № 6). Выбор этой квартиры заслуживает также особого внимания в том отношении, что дочь Зайцевой находится в дружественных отношениях с Сусловой и Комаровой, с которыми она посещает лекции Медико-хирургической академии. Эти три девицы известны под именем стриженных. Таким образом, между обществом, группировавшимся около Сусловой, и обществом Слепцова есть видимая связь, но со всем тем преследование их по закону было бы теперь преждевременным, потому что фактических доказательств вредного направления этого кружка еще нет и до сих пор он обращает на себя внимание только беспутным образом жизни тех лиц, которые состоят в числе его членов.

На этом основании полезнее было бы до времени ограничиться полицейским за ним наблюдением; что и возложено мною на состоящего при мне подполковника Угрюмова и надзирателя Веридарского.

Генерал-лейтенант А н н е н к о в

8 марта 1864 г.

Наверху написана дата получения: 9 марта 1864 г. и заключение: Дело слишком важное; чтобы их сослать в дальнейшие губ(ернии), довольно того, что они составляют вертеп разврата.

ЦГАОР, ф. 109, 1864 г., 1 эксп., д. 92, ч. 2, лл. 13 — 17.

6

ЗАПИСКА: III ОТДЕЛЕНИЯ О КОММУНЕ СЛЕПЦОВА*

В заключение записки с.-петербургского обер-полицеймейстера о существующем здесь обществе коммунистов сказано:

1, что последнее сборище у них было 28 января сего года. По имеющимся в III Отделении сведениям это последнее сборище было у *Слепцова* 4 февраля.

2, что на сборище, бывшем 28 января, замечены были два воспитанника одного из здешних училищ, но что фамилии их еще не известны. По нашим сведениям, это были воспитанники Училища правоведения: *Маковеев* и *Наркевич*, которые уже давно обратили на себя внимание училищного начальства своим неблагонадежным поведением. Из них *Маковеев* более года поручен духовному назиданию священника означенного училища для исправления. *Маковеев* познакомился с *Слепцовым* через доктора *Топорова*, служащего в придворно-служительском доме (на Сергиевской), а *Наркевич* сошелся с ним в книжной лавке *Кожанчикова*.

3, что общество, прекратив собрания у *Слепцова*, предполагает выбрать местом оных квартиру отставного штабс-капитана *Бессонова*, который живет вместе с вдовою *Зайцевою* по Екатерининскому каналу, в доме *Добровольского*.

По сведениям III Отделения, было предположение перенести собрания к *Зайцевой*, у которой жил *Бессонов*, но сей последний, как усматривается и из прилагаемой у сего записки, переехал оттуда еще 24 месяца января в Итальянскую улицу, в дом *Федорова*, а 11 марта выехал из С.-Петербурга.

Все остальные сведения, изложенные в записке обер-полицеймейстера по этому предмету, совершенно согласны с имеющимися в III Отделении данными. Встречается только одно разногласие в фамилии и имени женщины, живущей у *Слепцова* и обозначенной в записке генерал-лейтенанта *Анненкова* на 6-й странице под № 4. — Тут она названа женою губернского секретаря *Глафирию Цапиною*, тогда как, по нашим сведениям, ее зовут *Екатериною Ивановною Цениною*. Она-то и живет «гражданским браком» с самим *Слепцовым*.

11 марта 1864 г.

Наверху надпись: Составить дело. 23 марта.

ЦГАОР, ф. 109, 1864 г., 1 эксп., д. 92, ч. 2, л. 18—18 об.

* В том же деле находятся: конфиденциальное сообщение из Училища правоведения об исключении из 2 класса *Андрея Маковеева* 15 ноября 1864 г. «за дерзость против начальства» и секретное сообщение с.-петербургского градоначальника от 20 октября 1877 г. о смерти находившегося «под негласным бдительным надзором полиции» *А. Ф. Головачева*. — *Ред.*

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ СЕКРЕТНОГО АГЕНТА М. Г. СТЕПАНОВОЙ⁹⁹
В III ОТДЕЛЕНИЕ О СЛЕЖКЕ ЗА УЧАСТНИКАМИ КОММУНЫ
СЛЕПЦОВА

...Минаев едет в Пермь, а не в Москву, а Слепцова до сих пор нет еще в Петербурге; это крайне мешает моему делу (т. е. оттягивает время); во всяком случае я тут пока не выпущу из рук Дмитриева, но постараюсь через одну барыню опутать Горбунова: но что жить у Слепцова, то я считаю почти невозможным, потому что они пожелают знать, чем я живу; а так как я средств решительно не имею, то мне придется говорить, что мне помогает один господин, да ведь они не поверят в его скромность, потому что он не их общества: так я считаю лучшим тут действовать тоже через одну женщину и быть лицом неприкосновенным!.. Дмитриев едет на дачу в Парголово и не один, но с Курочкиным и еще кто-то... я им говорила, что будто получу наследство небольшое: то Минаев мне предлагал идти с ним и Степановым в долю на открытие типографии, и издание нового журнала, они хотят пустить два новых журнала. Дмитриев—один, а Минаев—другой: он надеется получить в Перми 18 тысяч и едет завтра или послезавтра, теперь мне надо будет напасть на его жену, которая не участвует в его идеях, и во время его отъезда надо постараться что-нибудь успеть.

Я нахожу необходимым переменить квартиру, но скажу откровенно, что затрудняюсь в средствах: потому покорнейше прошу вас, милостивый государь, предложить его превосходительству не угодно ли будет выдать мне еще 50 рублей...

<10 апреля 1864 г.>*

ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 2009, лл. 8—9.

ЗАПИСКА III ОТДЕЛЕНИЯ О САМОРОСПУСКЕ КОММУНЫ СЛЕПЦОВА

По рассмотрении вновь, 22 месяца ноября, представленных в начале сего года записок об образовавшейся в квартире сотрудника «Современника» В. А. Слепцова «коммуне» — ваше сиятельство изволили приказать представить новейшие сведения об этой коммуне.

По собранным ныне справками вследствие <надзора>, учрежденного за некоторыми прикосновенными к означенному делу лицами, оказалось, что помещавшаяся в Знаменской улице, в доме Бекмана, коммуна уничтожилась вследствие того, что члены ее узнали, что за ними наблюдают; что сам Слепцов выехал из Петербурга в Москву еще 1 июля с. г., что туда же отправилась одна из живших в коммуне княжна Макулова; что все прочие члены бывшей коммуны, квартировавшие вместе, живут ныне на отдельных квартирах, где не замечено до сих пор больших сборищ с противузаконною целью, и что заведывавшая хозяйством в коммуне Слепцова, дочь отставного коллежского советника, девица Маркелова, проживающая в 11 линии В. острова, в доме № 22, разрешилась два месяца тому назад сыном, прижитым ею, как она говорит, с Слепцовым. Тут же живет с нею и другой ее сын, находившийся при ней еще в доме Бекмана. Как все так называемые нигилистки занимаются преимущественно в типографиях или

* Дата устанавливается по хранящейся в том же деле записке, с пометой о получении этого донесения 10 апреля (л. 7).— Ред.

в двух устроенных здесь женских переплетных мастерских, так и *Маркелова* пристроилась в одной из типографий Васильевского острова. Несмотря на проповедываемый этими нигилистками атеизм, *Маркелова* окрестила своего ребенка 22 месяца ноября, при чем находились десять стриженных девиц и двое молодых людей из нигилистов.

Коммуна, помещающаяся в 9-й роте Измайловского полка, в доме *Глотова*, и которая, по полученным сведениям, сего 1 декабря должна разделиться, веселилась еще всю ночь с субботы на воскресенье, при аккомпанементе двух фортепиан.

Распорядительница в этой коммуне девица *Котлярова* вступает ныне в «гражданский брак» с студентом *Дубенским*, носящим славянофильскую одежду.

Не теряя из виду членов разных коммун, агенты нападают на след новых коммун, о которых покуда еще нет положительных данных.

Одна из них помещается в одном доме у 5-ти углов; другая в доме Реформатской церкви, в Большой Конюшенной, вероятно, потому, что там живут две девицы *Колмогоровы* (дочери надворного советника), занимающиеся в женской переплетной *Печаткина*, а, по некоторым слухам, в одном доме, в Большой Конюшенной, бывают собрания нигилистов, где читаются даже, конечно, тайно, лекции о естественных предметах.

Подробным разведыванием всего этого в настоящее время занимаются. 1 декабря 1864 г.

Наверху заключение: Доложено его величеству 5 декабря. Все записки, относящиеся к коммуне, иметь вместе на случай востребования.

ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 256, лл. 1—2.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Известно, — писал в 1860-е годы А. М. Скабичевский о романе Лескова „Некуда“, — что в обществе ходит много всяких слухов, толков, перетолков и сплетен, лишенных часто всяких оснований, о разных литературных и общественных деятелях, о тех или других фактах общественной жизни. Г-н Стебницкий берет эти сплетни в таком виде, как они ходят, и без всякого анализа передает их, искажая и лица и факты». Автор статьи совершенно справедливо замечает непоследовательность Лескова: непонятно при карикатурном изображении «нигилистов», как идеальные герои — Лиза Бахарева и Райнер — люди с умом и сердцем, могли яхшаться с подобными лицами («Русское недомыслие». — «Отеч. записки», 1868, № 9, стр. 42—43). Впрочем, позднее в своих воспоминаниях Скабичевский, эволюционировавший в сторону либерального народничества, не отставал уже так горячо Слепцова от нападок его недоброжелателей.

² В. А. Слепцов. Сочинения, т. I. М. — Л., 1932, стр. 553—580.

³ Письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к А. М. Скабичевскому от 9 февраля <1885 г. >. — «Лит. наследство», т. 67, 1959, стр. 514 (публикация С. А. Макашиной).

⁴ ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 2009, лл. 5—6. — В письме Е. А. Макуловой к Слепцову имеется упоминание о Степановой: «Так как я не уверена, что письма на твоё имя и на мое не распечатываются на почте, то если будешь писать, адресуй в мою квартиру, но на имя хоть Степановой» (там же, д. 207, л. 5).

⁵ <В. В. > Каллаш. В. А. Слепцов. — «Русская мысль», 1903, № 4, стр. 154.

⁶ За М. Н. Коптевой в полиции сохранялась долго репутация «чрезвычайно вредной особы» (Анонимное письмо. Май 1866 г. — ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 314, л. 4). В Москву, Петербург, Кострому и другие места, куда переезжала Коптева, за нею следовали полицейские донесения (см. «Дело отделения по охранению порядка и общественной безопасности в Москве при канцелярии московского обер-полицеймейстера по отношению с.-петербургского градоначальника о надзоре за дочерью действительного статского советника Марию Коптевою». 24 мая 1876—28 мая 1882. — ГИАМО, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 1573).

⁷ Сохранилось «Дело канцелярии с.-петербургского губернатора об учреждении негласного бдительного надзора полиции за отставным титулярным советником Владимиром Николаевичем Языковым». 21 июля 1875—25 сентября 1875.

В донесении петербургского градоначальника петербургскому губернатору 19 июля 1875 г. сказано: «Проживающий в С.-Петербурге под негласным бдительным надзором полиции отставной титулярный советник Владимир Языков 16 июля отмечен в Саблино по Николаевской железной дороге. Имею честь присовокупить, что Языков подчинен сказанному надзору согласно высочайше утвержденному заключению бывшей в С.-Петербурге Следственной комиссии, сообщенному в предложении бывшего с.-петербургского военного генерал-губернатора от 1 октября 1865 г. за № 1491, по поводу заявления им, вместе с другими лицами, учения своего о нигилизме с тем, чтобы местное начальство, в случаях надобности, принимало против них более строгие административные меры в пределах предоставленной ему власти» (ГИАЛО, ф. 253, оп. 6, ед. хр. 222, лл. 1—4).

Сохранилось также «Дело канцелярии московского обер-полицеймейстера по отношению с.-петербургского обер-полицеймейстера об учреждении негласного бдительного надзора за коллежским секретарем Языковым (за нигилистические воззрения)». 1866—1867 (ГИАМО, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 592).

⁸ В архиве III Отделения находится следующая «Справка» о Головачеве от 16 апреля 1866 г.: «Головачев Аполлон Филиппов, тверской помещик; он сотрудник журнала „Современник“. В 1864 г. Головачев участвовал в известной по вредному направлению своему коммуне Василия Алексеева *Слепцова*, отставного коллежского регистратора и тоже сотрудника названного журнала, и жил тогда в одной квартире с Слепцовым на Знаменской в доме *Бекмана*, № 7. Коммуна эта впоследствии распалась сама собою. В начале прошлого 1865 года Головачев предпринял издание газеты „Народная летопись“, но издание это не продолжалось и году. Головачев — человек грязный не только в нравственном отношении, но и наружно, в сем последнем случае он совершенный нигилист, а по образу мыслей своих человек совершенно неблагонадежный. Он второй уже год как приобрел в свою собственность типографию уволенного из Училища правоведения по неокончании курса наук, князя Александра Сергеева *Голицына*, человека не дальнего ума, но неблагонадежного и играющего роль нигилиста. Типография эта, помещающаяся у Вознесенского моста, в доме *Китнера*, находится в постоянных сношениях с известною также по своему чрезвычайно вредному направлению женскою переплетною *Печаткиной*» («О заявлениях разных лиц по поводу злодейского покушения на жизнь государя императора 4 апреля 1866 г.» — ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, д. 172, лл. 70—71).

В деле канцелярии петербургского губернатора «О лицах, состоящих под надзором полиции за 1872 г.», в Гатчине значится коллежский регистратор А. Ф. Головачев, как «находящийся под негласным длительным надзором. Срока не объявлено» (ГИАЛО, ф. 253, оп. 3, ед. хр. 4474, л. 13).

Из другого «Дела канцелярии с.-петербургского губернатора об учреждении негласного бдительного надзора за помещиком Тверской губернии Аполлоном Филипповым Головачевым» 9 июня 1872—12 февраля 1877 ясно, что до самой смерти Головачев находился под надзором полиции (там же, оп. 6, ед. хр. 74, лл. 1—9).

⁹ *Геннадий Васильевич Лермантов* (1830—1900) — действительный статский советник. С 1865 г. в Петербурге находился под негласным надзором полиции по поводу «заявления им своего учения о нигилизме». Надзор продолжался до 15 октября 1882 г., как об этом свидетельствует дело канцелярии петербургского губернатора (ГИАЛО, ф. 253, оп. 6, ед. хр. 328, лл. 1—19).

¹⁰ *Николай Алексеевич Серов* (р. 1832) — титулярный советник. С 1865 г. состоял в Петербурге под негласным бдительным надзором по поводу «заявления им учения своего о нигилизме».

¹¹ *Николай Степанович Славутинский* — сын беллетриста С. Т. Славутинского, студент Московского университета, член кружка Зайчневского — Аргиропуло в 1861 г., принимал участие в студенческих беспорядках; 4 октября 1861 г. говорил речь на могиле Грановского.

¹² *Мария Челищева* — находилась под надзором полиции и в 1870-е годы, о чем свидетельствует «Дело канцелярии московского обер-полицеймейстера по отношению управляющего III Отделением собственной е. и. в. канцелярии о кандидате Московского университета Алекс. Козлове и дочери майора Марии Челищевой об установлении за ними полицейского надзора» (ГИАМО, ф. 46, оп. 1, д. 1106).

¹³ ЦГАОР, ф. 109, 1864 г., 1 эксп., д. 92 («О тайных обществах», ч. 2, л. 20). — В деле III Отделения «О Маковееве» дается в марте 1871 г. такая его аттестация: в Училище правоведения «обратил на себя особенное внимание неблагонадежным поведением, вследствие чего был поручен духовному назиданию священника для исправления, но 15 ноября 1864 г. исключен из 2-го класса сего училища за дерзость против начальства и затем поступил вольнослушателем в Московский университет. Находясь в училище, Маковеев сблизился с некоторыми безнравственными лицами и посещал сборища (коммуны) нигилистов» (там же, 1866 г., д. 100, ч. 35, л. 38). В 1866 г. А. А. Маковеев был арестован по делу Каракозова. По ходатайству матери и дяди был взят на поруки родственниками, но и в следующие годы за ним продолжала следить полиция. Когда в 1871 г. мать обратилась в III Отделение с просьбой позволить

сыну кончить университет, ей было отказано в этом: «Андрей Маковеев был арестован при производстве дела о событии 4 апреля на основании имевшихся в виду указаний, что он принадлежал к тайному обществу „Организация“, находился в сношениях с сосланными впоследствии, по приговору Верховного уголовного суда, в каторжную работу Ермоловым и другими лицами, из числа товарищей и сообщников Каракозова, и изъявлял готовность снабдить деньгами лицо, назначавшееся к поездке в Сибирь для освобождения из каторжной работы государственного преступника Чернышевского <...> Выслан как личность неблагонадежная в политическом отношении в Костромскую губернию, в имение матери, с учреждением за ним местного надзора а <...> Комиссия признала изложенное ходатайство его матери не заслуживающим уважения» (там же, ф. 95, оп. 1, д. 287, лл. 41—42).

Разноречивы сведения о близости к коммуне Слепцова семьи Зайцевых. Из агентурных сведений и из воспоминаний Л. П. Шелгуновой ясно, что писатель хотел перенести место собраний в квартиру Бессонова—Зайцевых ввиду преследования полиции. По-видимому, узнав о полицейской слежке, В. Бессонов переехал 11 марта 1864 г. в Новгород «к месту его служения» (ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., д. 92 «О тайных обществах», ч. 2, л. 19).

¹⁴ Письма Слепцова к Л. Ф. Нелидовой 1875 г. — ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 271, лл. 24, 68—69, 81—82, 150, 151; письмо к матери — там же, ф. 479, оп. 1, ед. хр. 12, л. 34.

¹⁵ ЛБ, ф. 295, М. 5336/2.

¹⁶ Слепцов находился в начале 1877 г. в Саратове. 11 февраля в газете «Саратовский справочный листок» (№ 31) появилась статья (некролог) «Новая страничка из скорбной летописи» (за подписью Н—в). Статья была посвящена А. И. Левитову, значительная часть ее представляла собою пересказ сведений, сообщенных автору (надо полагать, Соловьеву-Несмелову) «нашим талантливым беллетристом В. А. Слепцовым», «когда-то близко стоявшим к нему и по жизни и по перу». Приведем это место статьи — биографию Левитова, написанную со слов Слепцова:

«А. И. Левитов, сын бедного дьячка села Доброго, Тамбовской губернии, Лебедянского уезда. Бедность, налагавшая свою печать опущенности, плохой хозяйственности, забитости на отца А. И. в нормальном состоянии, и обратно тому — бурливости, широкой трепки и ругани всему окружающему, когда это некрасивое житье главы семьи заглушалось *русским напитком горемык*, к которому родитель прибегал частенько; постоянная раздраженность и крутой нрав матери семьи при самых мелочных лишениях и недостатках, искавшей при первом случае на ком-либо — на муже или ребятишках, которых было трое, — сорвать свою жизненную несчастливость — вот семейная обстановка детства А. И. Левитова. Затем бурса духовного училища и семинарии, времен от 1844—1856 лет... Все это до того не красно, не светло, до того рано и крепко подавило, поломало впечатлительную натуру А. И., что он сделался мнительен, подозрителен и почти не мог высказываться о своем прожитом даже близким людям по перу, по взглядам на жизнь и ее проявления, или когда и решался кому-либо, по его выражению, *раскрыть душу*, даже усесться к приятелю в такие актированные минуты на *коленички*, испрося на то с нерешительностью разрешения, — и тогда его разговоры *по душе* выходили несвязными, неясными намеками. Его тоскливый отрывистый рассказ раздирал душу поверенного. Так тяжело, невыносимо было его прошлое. Но, как видно из житейского скитальчества А. И., ни гнетущая жизнь в родной семье, ни учеба семинарская не надломли наконец его духовной силы, не закалили его таланта, не остановили его движения, искания света, идеальных стремлений, вообще — могучей юности. *Томимый жаждой знаний*, семинарист Левитов идет *пешком* из Тамбова в Петербург и там поступает в Медико-хирургическую академию. Оттуда он был уволен (на всякие расспросы людей близких, принимавших в нем искреннее участие, об этих обстоятельствах, как и непродолжительном времени его актерства, обыкновенно А. И. отвечал или молчанием, или много-много скажет, что он был плохой актер... „чего вам еще...“, и примется неудержимо хохотать); известно только, что из академии он послан был фельдшером в один из уездных городов Архангельской губернии. Еще в академии с товарищем своим г-м Успенским (тульским семинаристом по месту рождения и образования) начал А. И. свои первые литературные работы, кажется, с газеты „Сын отечества“, а потом сотрудничал и в наших толстых журналах. Писал он много и один, и в компании с Вороновым (саратовцем по месту рождения и образования в гимназии). Эти компанейские работы носили названия „*Московские норы и трущобы*“. Но жилось по обыкновению Левитову плохо, неприглядно. В холодных, сырых квартирах, под ругань какой-нибудь квартирной хозяйки, то и знай теребившей денег с постояльца на то, другое, третье, нередко на каком-нибудь дрянном сундучишке вместо стола, при жалком мерцании салютного огарка, на клочках, лоскутках написано большинство произведений покойным А. И. Не веселы такие картины жизненной правды писателей, вступивших на этот трудный путь в период 60-х годов. При таких разрушающих началах, согласитесь, не могла долго тянуться его жизнь, не могла расти в ширь и глубь его, несомненно, сильная талантливость. В его писаниях вылилась живая жизнь; она же рано и убила его.

Единственным светлым образом был с детства и остался на всю и дальнейшую жизнь, полную горечей у А. И. Левитова, это — сестра, немногими только годами постарше брата. Этот образ сестры, нередко охранявшей брата от домашних давлений, ласковый, симпатичный при всех остальных мрачных для ребенка лицах семьи и родного села, манил к себе в Лебедянь (уездный город Тамбовской губ.), куда она вышла замуж за какого-то чиновника (тоже больного болезнью их отца), в тяжелые, мрачные минуты жизни Левитова-писателя. В такие минуты обыкновенно он собирался бежать, укрыться, как он выражался — *туда, туда, в Лебедянь*... Там ему грезилось, что он может отдохнуть на каком-то чисто идеальном сестрином сундучке. Там, думалось ему, как это было и в детстве, его прихоят, приглубят... там он отлежится, отдохнет от всякой давящей его всячины... Все это, кажется, очень ясно говорит, что этот человек, проживши 38 лет на белом свете, не видал тепла, света даже от близких, или вернее — без близких людей, с мрачными думами, с вечно возбужденными нервами, развинтившимися, как говорится, донельзя к концу дней его».

¹⁷ Ж. А. Слепцова. Биография Слепцова Василия Алексеевича. — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2584, л. 6. — Эти строки не были пропущены цензурой при публикации «Биографии» в «Русской старине», 1890, № 1.

¹⁸ Е. И. Жуковская. Записки. Л., 1930, стр. 156.

¹⁹ В. П. Буренин, бывавший в 1860-х годах на Знаменской у Слепцова и веривший в легенду, что здесь вовсе не коммуна, а «меблированные комнаты», «общая квартира», однако отвергал сплетни о безнравственности в коммуне. «Даже в дни существования коммуны, — писал он впоследствии, — подобным сплетням верили те, кому хотелось верить. В наши же дни печатать подобные сплетни и верить им можно разве только в шутку» («Критические заметки». — «Новое время», 1889, № 4831, от 11 августа).

²⁰ Н. В. Успенский допустил в своих воспоминаниях целый ряд фактических ошибок. Коммуна, по его словам, была создана Слепцовым после «Трудного времени», т. е. после 1865 г., в то время как она прекратила свое существование 1 июня 1864 г., просуществовав около года, а не два-три месяца, как утверждает Успенский (Н. В. Успенский. Из прошлого. М., 1889, стр. 128).

²¹ В продолжение 1864—1865 гг., когда особенно усердно велась слежка за Слепцовым — организатором коммуны, — полицейские агенты присутствовали на литературных вечерах в пользу нуждающихся студентов и литераторов, где Слепцов выступал с чтением произведений своих («Ночлег», «Питомка», главы из повести «Трудное время») и чужих (например, стихотворение Некрасова «Орина — мать солдатская»). Из донесений в III Отделение видно, что на этих вечерах выступали также Некрасов («Мороз, Красный нос»), Тургенев («Призраки»), Салтыков-Щедрин («Прощаюсь, ангел мой, с тобой...»), Н. Курочкин («Сатиры и песни. По мотивам итальянского поэта Джусты») и другие.

Разумеется, агенты весьма неодобрительно отзывались о Слепцове-чтеце и о его произведениях. Полицию явно пугало воздействие на молодежь организатора «Знаменской коммуны», и она всеми способами дискредитировала его. «Известный нам как учредитель образовавшейся было здесь коммуны В. А. Слепцов, — писал один из агентов, — одевавшийся прежде с крайним неряшеством, и не только не стригший, но и не чesавший почти никогда волос, был вчера одет с большим тщанием в черный фрак и белых перчатках. Обстоятельство это обратило на себя внимание». 23 сентября 1865 г. (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 1497, л. 1 об.).

²² В записке III Отделения от 16 ноября 1864 г. читаем: «В субботу вечером в 9-ой роте Измайловского полка, в доме Глотова, где, как донесено было, находится коммуна, составленная из нигилистов, замечено большое собрание. Туда приезжали разные длинноволосые подозрительные личности, которые походили на армян, в сопровождении одного приезжала какая-то женщина. Извозчики, привезшие их, говорили, что их наняли на Васильевском острове и в Новом переулке. В сем последнем проживает известный бывший студент из армян «грузин» *Гогоберидзе*, один из приятелей *Чернышевского*, *Утина* и тому подобных. Ничего не было бы удивительного, если б *Гогоберидзе* действительно посещал означенную коммуны» (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 243, л. 4).

²³ Имя Е. П. Печаткина возникает здесь не случайно. Он неоднократно подвергался преследованиям полиции, будучи вместе с В. Л. Гогоберидзе участником студенческих волнений 1861 г. и организатором комитета по чтению лекций (одним из лекторов намечался Чернышевский). За распространение «Колокола», создание издательской артели, за близость к Худякову его арестовали, посадили в крепость. После дела Каракозова Печаткину запретили вести книжную торговлю.

²⁴ «Агентурное донесение о наблюдении за семейной жизнью проживающего в Петербурге доктора Бокова П. И., привлекавшегося в 1861 г. по делу о распространении „Великоруса“. 24 апреля 1868 г.» (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 334, лл. 1—2).

Возникли коммуны и в Москве, что было отмечено и в приговоре Верховного суда по делу Каракозова.

²⁵ Сохранилось «Дело канцелярии с.-петербургского губернатора об учреждении негласного надзора за женою великобританского подданного Александрю Григорьевною Каррикою, ур. Маркеловою». 12 июня 1874—3 сентября 1874. Из донесения петербургского градоначальника петербургскому губернатору от 10 июня 1874 г. узнаем: 1) что Маркелова была «подчинена сказанному надзору, согласно высочайше утвержденной в С.-Петербурге Следственной комиссии, 10 октября 1865 г., № 1441, за заявление, в числе прочих, учения своего о нигилизме»; 2) находилась «под негласным надзором полиции» до июня 1874 г. и 3) «секретный полицейский надзор, согласно отзыва г-на управляющего III Отделением собственной е. и. в. канцелярии от 12 июня сего года № 2019, прекращен» (ГИАЛО, ф. 253, оп. 6, ед. хр. 169, лл. 1—5).

²⁶ Е. И. Жуковская. Записки. Л., 1930, стр. 156.

²⁷ За Макуловой так же, как за Слепцовым, и в 1870-е годы тщательно следила полиция. В деле канцелярии петербургского обер-полицеймейстера значится: «Макулова княжна Екатерина Александровна пока живет по Невскому проспекту и Малой Садовой, дом 3-й, 54, но намерена выехать на дачу в Новую деревню» («Переписка и ведомости о лицах, замеченных в государственных преступлениях». — ГИАЛО, ф. 339, ед. хр. 89, л. 1). Когда в 1873 г. полиция «охотилась» в Петербурге за Г. А. Лопатиным и давала распоряжение «иметь строжайшее наблюдение» за квартирами, в которых он мог появиться, то первой в списке лиц, его знакомых, была названа Макулова (там же, ф. 569, оп. 6, д. 4, л. 8). Как свидетельствует «Дело с.-петербургского губернатора об учреждении строгого секретного надзора за княжною Екатериною Макуловою», за нею продолжалась упорная слежка и в 1877 г. (там же, ф. 253, оп. 6, ед. хр. 329, лл. 1—8).

В архиве III Отделения сохранилось письмо Макуловой. Адресат его неизвестен; но можно предположить, что это Языков или Слепцов: «...если ты действительно не фразер, а человек, каким казался мне и многим другим, т. е. честный, прямой, ненавидящий всю эту рутину, в которой каждая хорошая личность тонет и задыхается, то приезжай скорей...» (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 207, л. 5).

²⁸ М. Горький и Н. С. Лесков. Беседы о ремесле. — Собр. соч., т. 23. М., 1953, стр. 229; т. 25, стр. 347.

²⁹ Иван Михайлович Сеченов (1829—1905) — великий русский ученый-физиолог, выдающийся деятель общественного движения, сборник женского образования. Был близок к Чернышевскому и другим революционно-демократическим деятелям шестидесятых годов. Своими работами: «Рефлексы головного мозга» (1863), «Физиология нервной системы» (1866), публичными лекциями содействовал борьбе революционного лагеря за философский материализм. С 1866 г. находился под надзором полиции.

³⁰ Николай Иванович Хлебников (1840—1880) — профессор Варшавского (с 1869 г.), а затем Киевского (с 1877 г.) университетов по кафедре энциклопедии и философии права. В 1861 г., будучи студентом юридического факультета Московского университета, принимал участие в студенческих волнениях, был арестован и получил предупреждение об увольнении из университета, если не подчинится университетским правилам. Привлекался также в 1866 г. по делу Каракозова.

³¹ Артиллерийский полковник — П. Л. Лавров.

³² Мария Федоровна Зайцева (мать В. А. Зайцева) — была с 1865 г. в Петербурге под негласным бдительным надзором полиции по поводу «заявления ею учения своего о нигилизме».

³³ Варвара Александровна Зайцева (по первому браку Голицына, по второму — Якобий) — сестра В. А. Зайцева, участница революционного движения шестидесятых годов. В 1863 г. привлекалась по делу Андрущенко, общества «Земля и воля» за содействие побегу И. И. Кельснева.

³⁴ Варфоломей Александрович Зайцев (1842—1882) — критик, сотрудник «Русского слова». С 1865 г. находился в Петербурге под негласным бдительным надзором полиции по поводу «заявления им учения своего о нигилизме». Подвергался аресту в связи с делом Каракозова в 1866 г. В 1869 г. уехал в Женеву, где через год вступил в «Международное общество рабочих», был одним из участников итальянской секции Интернационала. С 1877 г. сотрудничал в журнале «Общее дело» в Женеве.

³⁵ Имеется в виду известная Н. П. Суслова, в будущем доктор медицинских наук, о которой Слепцов упоминает в «Новостях петербургской жизни» (см. выше, стр. 225), находившаяся под надзором полиции за открытое сочувствие «нигилизму», сношение с неблагонадежными людьми в России и с эмигрантами за границей. Сохранилось секретное предписание от 20 октября 1873 г. петербургского градоначальника приставу 3 участка Московской части («в случае появления во вверенном вам участке жены швейцарского подданного Надежды Эрисман, урожденной Сусловой, тотчас задержать и доставить в секретное отделение») и акт обследования бумаг Сусловой при ее обыске (ГИАЛО, ф. 569, оп. 6, ед. хр. 61, лл. 27—28).

³⁶ Александра Комарова — автор романа «Одна из многих (из записок нигилистки)», 1881 г., — также состояла в 1860-е годы под надзором полиции, привлекалась по делу Каракозова. Она была знакома с И. А. Худяковым и, по воспоминаниям Г. А. Лопатина, сыграла дурную роль в судьбе Худякова во время следствия.

Позднее Комарова эволюционировала «вправо» и сотрудничала в реакционной прессе.

³⁷ *Яков Николаевич Бекман* (1836—1863) — член общества «Земля и воля». В 1858 г. был исключен из Харьковского университета за участие в студенческих волнениях. Один из организаторов Харьковского тайного общества. В феврале 1860 г. заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, в июне 1860 г. сослан в Вологодскую губернию, в сентябре 1862 г. — в Самарскую губернию, где умер от лихорадки 6 октября 1863 г.

³⁸ В действительности речь идет о Екатерине Ивановне *Цениной* (впоследствии Жуковской). См. выше, в документе № 6.

³⁹ В одном из упомянутых выше дел находим справку об этом агенте: «Марья Григорьевна Степанова — Санкт-Петербургская мещанка. Живет, по свидетельству пристава 1-й части, по 5 апреля 1864 г. у чиновника Максимовского. Жила прежде в другом доме Татищева у m-me Marie, но оттуда переехала, вследствие того, что Marie не хотела держать женщину, замешанную в какие-то полицейские дела. К ней много ходило мужчин» (ЦГАОР, ф. 109, С. а., оп. 1, д. 2009, л. 10).